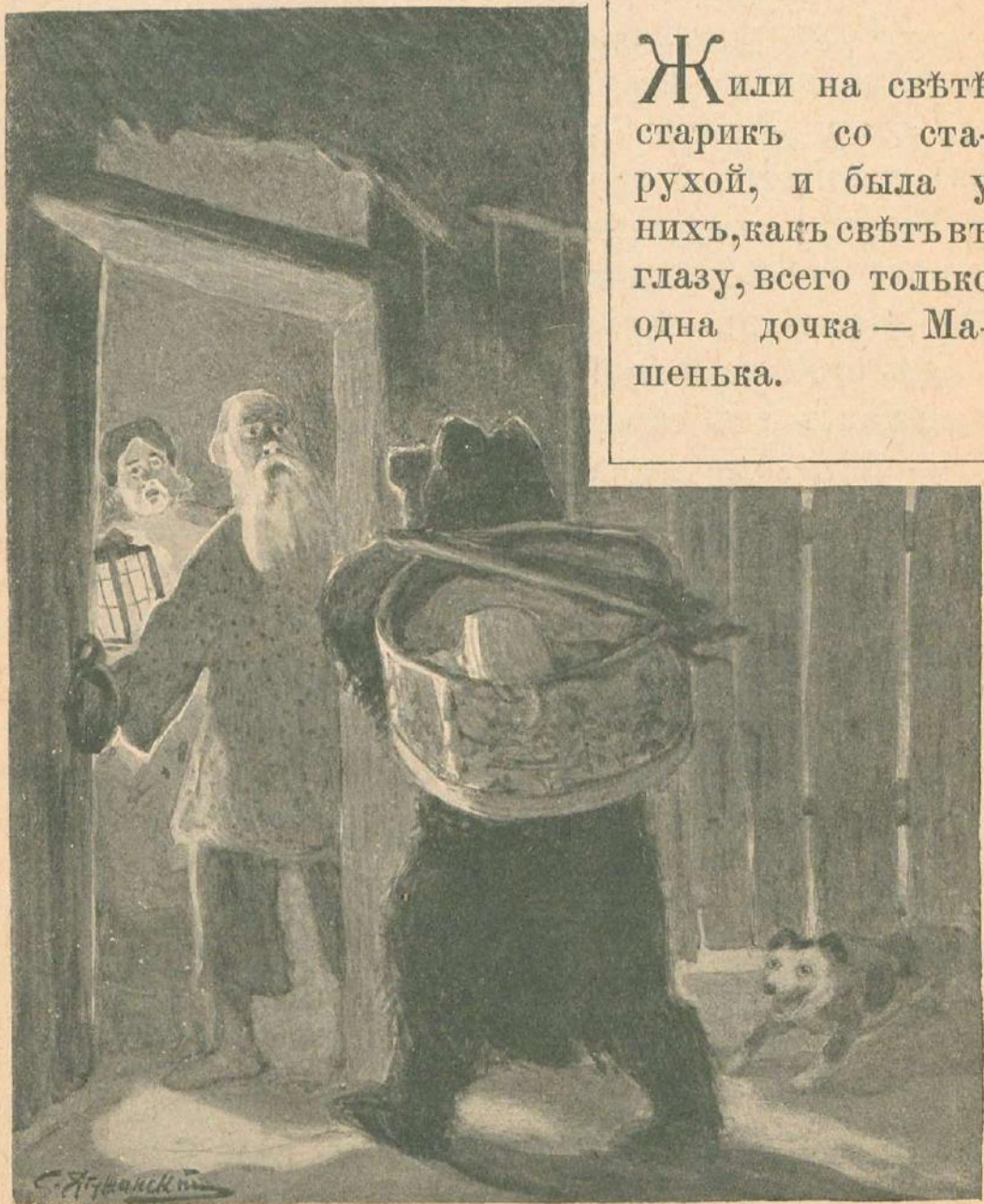

Медвѣдь и дѣвочка.

Жили на свѣтѣ старикъ со старухой, и была у нихъ, какъ свѣтъ въ глазу, всего только одна дочка — Машенька.

Разъ, въ праздникъ, пришли къ Машенькѣ подружки и зовуть ее въ лѣсъ по ягоды.

— Смотри, дочка,—наказываетъ мать,—не заходи въ лѣсъ далеко: не случилось бы чего недобраго!

Пошли дѣвочки въ лѣсъ, стали ягоды брать, да такъ незамѣтно и зашли въ самую чащу.

Вдругъ, откуда ни возмись, идетъ къ нимъ навстрѣчу медвѣдь, схватилъ Машеньку и понесъ ее далеко-далеко въ лѣсъ, а подружки — давай Богъ ноги да безъ оглядки домой! Прибѣжали въ деревню и себя не помнятъ отъ страха.

— А гдѣ же наша Машенька? — спрашиваютъ у дѣвочекъ отецъ съ матерью.

Разсказали подружки, какъ бѣда приключилась. Только заплакали старики и говорятъ:

— Ну, теперь, навѣрное, медвѣдь ужъ съѣлъ нашу дочку! — И пошли въ лѣсъ отыскивать ея косточки, чтобы похоронить.

А медвѣдь принесъ Машеньку къ себѣ въ берлогу и утѣшаетъ:

— Не плачь, красная дѣвица, я не съѣмъ тебя! Оставайся у меня жить. Да, смотри, не думай убѣжать: вездѣ найду тебя и тогда ужъ не прогнѣвайся, — съѣмъ.

Заплакала дѣвочка и думаетъ: «Можетъ-быть, и увижусь когда-нибудь съ тятей и съ мамой, а теперь,

дѣлать нечего, надо медвѣдю угождать, благо онъ не съѣлъ меня».

А медвѣдь самъ старается тоже, какъ бы угодить дѣвочкѣ. Натаскалъ ей мягкаго моха, принесъ меду, ягодъ. Только ничто не радуетъ Машеньку, все она скучаетъ да плачетъ.

Вотъ разъ и говорить ей медвѣдь:

— Что ты все плачешь красная дѣвица?

— Какъ же мнѣ не плакать, — отвѣчаетъ Машенька: — вѣдь тятя съ мамой думаютъ, что меня и въ живыхъ нѣтъ, да и я не знаю о нихъ ничего: живы ли они еще!

— Хорошо, — говоритъ медвѣдь, — пожалуй, я схожу, провѣдаю ихъ. А ты напеки имъ въ гостинцы пирожковъ, — я отнесу

Принесъ медвѣдь Машенькѣ муки и большой кузовъ, куда пироги уложить. А Машенька была дѣвочка смѣтливая, и говоритъ ему:

— Спасибо тебѣ на добромъ словѣ, только смотри, пирожковъ дорогой не ѣшь: я увижу.

Ушелъ медвѣдь въ лѣсъ, а Машенька стала пироги печь. Напекла, сѣла въ кузовъ, а сверху пироговъ наложила, чтобы не видать было

Вернулся медвѣдь въ берлогу ужъ вечеромъ, видитъ — готовъ кузовъ съ пирогами; взялъ его на спину и понесъ. Шелъ онъ, шелъ и говорить самъ себѣ:

— Вотъ какой тяжелый кузовъ! — насилу несусѣсть развѣ на пенекъ да сѣсть пирожокъ.

Видитъ Машенька — плохо дѣло; высунула изъ кузова голову и запѣла:

— Вижу тебя, вижу! Не садись на пенекъ, не ѣшь пирожокъ. Ужъ до батюшкина двора недалеко.

— Вишь какая глазастая! — ворчитъ медвѣдь. — И далеко ушелъ, а она все видитъ.

Отошелъ медвѣдь еще дальше и говоритъ:

— Ну, теперь, авось, не увидитъ. Сяду-ка на пенекъ да сѣмъ пирожокъ.

А Машенька опять высунула голову изъ кузова и запѣла попрежнему:

— Не садись на пенекъ, не ѣшь пирожокъ: до батюшкина двора ужъ недалеко!

Подхватилъ медвѣдь кузовъ, побрелъ съ нимъ дальше и пришелъ, наконецъ, въ деревню, гдѣ жилъ Машенькинъ отецъ. Отыскалъ домъ ихъ и началъ стучать въ ворота лапою.

Старики уже спали.

— Видно, кто-нибудь чужой пришелъ, — говоритъ Машенькинъ отецъ, — собаки такъ и рвутся.

Зажгла старуха огонь, и пошли они ворота отпирать. Только что отперъ старикъ ворота медвѣдь бросилъ ему кузовъ и побѣжалъ безъ оглядки въ лѣсъ.

Посмотрѣли старики въ кузовъ, да такъ и ахнули разомъ, какъ увидали тамъ Машеньку.

— Да ты ли это, дитяtko наше родное? А мы ужъ и не чаяли увидѣть тебя когда-нибудь.

Кинулась Машенька къ отцу, къ матери и слова не можетъ отъ радости вымолвить. Вошли они въ избу: глядятъ другъ на друга, не наглядятся, не налюбуются старики на дочку свою ненаглядную!

